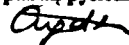

0-433101
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДАЛКЫЛЫЧ Лейла Чингдем

**Формы простого будущего времени в значении неактуального настоящего
в современном русском языке**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2013

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Воейкова Мария Дмитриевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Оркина Людмила Николаевна
(Тульский государственный университет
им. П.Я. Яковлева)

кандидат филологических наук, доцент
Дунин Алексей Иванович
(Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена)

Ведущая организация:

Новосибирский государственный
педагогический университет

Защита состоится «28» февраля 2013 года в 16.00 часов на заседании совета Д 212.232.18
по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском
государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская
наб., д.11, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного
университета, ауд. 185.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М.Горького Санкт-
Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д.7/9).

Автореферат разослан «19» март 2013 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000809231

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 Руднев Д.В.

Общая характеристика работы

Исследование направлено на изучение функционально-семантической специфики, частоты употребления и контекстных составляющих формы простого будущего времени совершенного вида в значении неактуального настоящего в современном русском языке (например: *Сначала сделаешь, не подумав, а потом пожалеешь*) с привлечением различных аспектов анализа, в том числе межкатегориальных связей, статистического обследования корпусных данных и сопоставления с фактами турецкого языка.

Проблема соотношения глагольного времени и вида в русском языке, оказавшаяся в зоне пристального внимания лингвистов прошлого века, до сих пор не теряет своей актуальности, оставаясь одной из сложнейших проблем теоретической грамматики (Поспелов 1952, 1955; Исаченко 1960, Виноградов 1972; Бондарко 1971, 1990, 1999, 2002, 2011; Всеволодова, Чжин 2001, 2008, Смирнов 2000, 2008, Рахилина, Плунгян 2010, 2012 и др.). Несмотря на существование значительного количества исследований аспектуально-темпорального комплекса в русском языке, многие вопросы не получили удовлетворительного решения и трактуются противоречиво. Строгой системы, единого терминологического аппарата и даже единых принципов подхода к объему значения той или иной формы глагольного времени, особенно в соотношении с видом, до сих пор окончательно не выработано. Общие проблемы описания видовой семантики особенно ярко проявляются при анализе элементов видо-временной системы, имеющих спорный статус и неоднозначную трактовку, таких как рассматриваемая нами форма простого будущего времени совершенного вида (далее: ПБВ СВ).

Форма ПБВ СВ по своей природе является семантически двойственной. Некоторые исследователи называют ее многозначной *формой настоящего-будущего совершенного* (А.М. Пешковский, А.В. Исаченко, А.В. Бондарко и др.). Значение настоящего времени исторически свойственно данной форме, которая сложилась в древнерусском языке. В процессе дальнейшего формирования видовой системы русского языка в качестве основного значения этой формы на первый план выдвинулось значение будущего времени, но значение настоящего (неактуального) не исчезло, а сохранилось в языке как второстепенное (Бондарко 1971). Форма ПБВ СВ, таким образом, выполняет две функции: выражает отнесённость действия к плану будущего времени (первичная функция) и значение настоящего неактуального (вторичная функция) (Бондарко 1971).

Другая точка зрения предполагает наличие омонимических отношений между двумя формами – будущим совершенным и настоящим совершенным (Е. Кржижкова, А.М. Шелякин). Некоторые исследователи, в том числе М.В. Всеволодова, К.Т. Чжин, все случаи употребления данной формы в контексте настоящего или прошедшего времени рассматривают как транспозицию формы будущего времени в микрополе настоящего времени (см. Всеволодова, Чжин 2008:17). Наличие столь разнородных точек зрения по поводу формы ПБВ СВ, а также целого ряда неосвещенных вопросов, придаст актуальность настоящему исследованию, определяет постановку его теоретических проблем и ставит перед автором ряд практических задач.

Объектом исследования является форма ПБВ СВ в значении настоящего неактуального, **предметом** – её семантический потенциал и специфика функционирования.

Целью исследования является описательный анализ функционально-семантического аспекта ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в современном русском языке (на фоне турецкого).

Данной целью обусловлено решение следующих задач:

- 1) анализ и описание теоретической базы и терминологического аппарата исследования на основе теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций;
- 2) формулировка проблем стратификации семантики, основных положений теории избыточности и принципов сопоставительного изучения грамматических явлений;
- 3) комплексное исследование функционально-семантического аспекта употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего с учетом межкатегориальных связей – параметров модальности, персональности, аспектualityности (конкуренции видов), в том числе – в категориальных ситуациях;
- 4) выявление категориальных ситуаций ПБВ СВ, алгоритма их поиска, функционально-семантической интерпретации формы ПБВ СВ в них, а также анализ возможной конкуренции видов и продуктивности, частотности употребления ПБВ СВ в категориальных ситуациях посредством статистического анализа данных Национального корпуса русского языка (далее: НКРЯ);
- 5) выявление сходств и различий между русской и турецкой языковыми системами в способах кластеризации аспектuallyных значений (см. Плунгян 2012: 13),

проявляющихся в специфике употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего при переводе с турецкого языка на русский язык;

- б) выявление возможной конкуренции видов при выражении настоящего неактуального при переводе с турецкого языка на русский фрагментов художественных текстов (на материале романов О. Памука «Меня зовут Красный», «Снег»).

Форма ПБВ СВ отличается гетерогенностью семантического потенциала, состоящей в том, что в ней 1) совмещаются значения будущего и настоящего неактуального; 2) свойство субъекта представляется как потенциальная способность/возможность осуществить то или иное действие; 3) отсутствует связь с одним конкретным актом наблюдения, происходит отвлечение от той или иной конкретной ситуации, от конкретного времени (Бондарко 1984); 4) предполагается перспектива аналогичных повторений данного действия, т.е. оно представлено как актуальное для широкого временного плана. Семантическое своеобразие формы ПБВ СВ в русском языке описано многими исследователями, однако единого мнения относительно интерпретации значений этой формы до сих пор не сложилось. В работе предпринимается попытка выработать универсальную позицию в этом вопросе на основе анализа данных НКРЯ, а также сопоставительного исследования параллельных текстов турецкого и русского языков с опорой на большое количество примеров, составивших более 11 000 единиц, что позволяет подтвердить достоверность полученных выводов.

Актуальность включения сопоставительного аспекта в темпорально-аспектуальные исследования подчеркивается рядом ученых (А. Барентсен, Ю.С. Маслов, В.А. Плунгян, В.С. Храковский и др.). В реферируемой работе такой анализ проводится, во-первых, с целью выявления особенностей морфологических способов выражения настоящего неактуального в генетически не связанных языках; во-вторых, с целью оценки адекватности перевода текстов художественной литературы с турецкого языка на русский, что позволяет учесть ряд дополнительных параметров, связанных со спецификой интересующей нас формы. Анализируя тексты переводов, мы обращаем особое внимание на явления вариативности, избыточности, конкуренции видо-временных форм, что предполагает поиск наиболее эффективного способа передачи значения переводимого текста средствами языка, на который осуществляется перевод, т.е. русского (внутриязыковые соответствия), а также учет специфики выражения данных значений средствами двух разных языков (межъязыковые соответствия).

В русском языке форма ПБВ СВ может выражать значения будущего и настоящего неактуального; последнее не имеет, таким образом, специального морфологического способа выражения. В турецком языке для выражения настоящего неактуального существует специальное так называемое настоящее-будущее время (далее: НБВ). Это, в частности, отличает русскую аспектуально-темпоральную систему от турецкой. Сопоставительный аспект, направленный на выявление специфики функционирования ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в конкретной речевой реализации с опорой на две сопоставляемые языковые системы, позволяет определить те особенности семантического варьирования исследуемой формы, которые скрыты от непосредственного наблюдения внутри одной языковой системы.

Кроме того, семантическое варьирование формы ПБВ СВ в русском языке в различных речевых реализациях может быть наиболее адекватно выявлено и описано с учетом фактора межкатегориального взаимодействия, особенно интенсивно разрабатываемого в последние годы. Проблема межкатегориального взаимодействия рассматривалась на протяжении последних двадцати лет как в рамках типологических исследований (см. Храковский 2012), так и в рамках функционального направления (Пупынин 1993, Межкатегориальные связи /2006). В нашем исследовании используется теоретический и методический аппарат, разработанный в аспекте теории функционально-семантических полей (далее: ФСП) и категориальных ситуаций (далее: КС) А.В. Бондарко. Высказывания с формой ПБВ СВ рассматриваются как комплексные КС, совмещающие в своей семантике элементы ФСП аспектуальности, модальности, темпоральности и персональности на речевом уровне.

КС понимается здесь как типовая содержательная структура, ориентированная на закономерности функционирования языковых единиц в определенных, типичных условиях контекста (А.В. Бондарко). В работе определен набор КС, в которых участвует форма ПБВ СВ, предложен алгоритм выявления этих ситуаций и системного анализа с опорой на НКРЯ. Это позволило выделить наиболее продуктивные и частотные типы рассматриваемых высказываний в современном русском языке.

Анализ функционально-семантического потенциала формы ПБВ СВ с учетом, с одной стороны, межкатегориального взаимодействия с опорой на большое количество корпусных данных, с другой – сопоставительного аспекта, предпринимается впервые. Это обстоятельство определяет теоретическую значимость исследования.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут использоваться в курсе морфологии и синтаксиса современного русского языка, а также при составлении учебников по функциональной и коммуникативной грамматике и в практике преподавания русского языка как иностранного. Кроме того,

предложенный в работе алгоритм поиска и анализа подобных примеров в НКРЯ может применяться для количественной оценки любых других типовых содержательных структур.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Семантическая специфика формы ПБВ СВ выявляется при обращении к сопоставительному аспекту неродственных языков на основе анализа параллельных текстов;
- 2) Значение неактуального настоящего ПБВ СВ связано с факторами модальности, персональности, аспектуальности;
- 3) Описание особенностей употребления формы ПБВ СВ в значении настоящего неактуального в современном русском языке может быть выполнено с опорой на контекстный поиск в НКРЯ с использованием определенного алгоритма, основанного на строевых лексических элементах;
- 4) Система употребления формы ПБВ СВ адекватно описывается при помощи категориальных ситуаций – типовых содержательных структур, представляющих в высказывании элементы определенного значения. Такие структуры представляют собой воспроизводимые в речи линейные последовательности семантических элементов;
- 5) Анализ данных дает возможность выделить и описать категориальные ситуации неактуального настоящего с опорными компонентами *как*; *вдруг* и *не*.

Основной задачей исследования является попытка определить необходимые и достаточные контекстные условия, которые обуславливают неактуальную интерпретацию формы ПБВ СВ в современном русском языке. Гипотеза исследования состоит в том, что значение неактуального настоящего формируется ПБВ СВ на основе межкатегориального взаимодействия темпоральных, аспектуальных, модальных, персональных грамматических элементов и определенных контекстных показателей (КС).

Новизна работы заключается в том, что на материале русского языка до сих пор не предпринимались попытки статистического анализа употребления формы ПБВ СВ с использованием большой базы данных НКРЯ, а также в том, что до сих пор отсутствует последовательный сопоставительный анализ функционально-семантического аспекта изучаемой формы русского языка с аналогичной формой в других неродственных языках (в данном случае – в турецком).

Методы исследования: метод наблюдения, описательный метод, сопоставительный метод, статистический метод, метод синтаксического анализа, метод толкования, анализа и интерпретации.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, а также выборка из переводов на русский язык текстов произведений известного и наиболее переводимого современного турецкого писателя Орхана Памука «Меня зовут красный» и «Снег». Объем обследованного материала составляет более 11 000 единиц.

Поиск примеров проводился по форме ПБВ СВ, отбор материала проводился вручную. Поиск в НКРЯ осуществлялся на материале художественных текстов при помощи различных комбинаций формы ПБВ СВ с контекстными показателями.

Теоретической основой исследования являются работы ленинградской (петербургской) аспектологической школы, посвященные изучению видо-временной системы русского языка (А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов), будущего времени в типологическом освещении (М.А. Майсак, С.Р. Мерданова, В.А. Плунгян, В.С. Храковский), вида и времени в сопоставительном аспекте (Э. Даль, Ю.С. Маслов), стратификации семантики (А.В. Бондарко, С.Д. Кацнельсон, Э. Косериу), избыточности в языке (Н.В. Глаголев, Е.В. Грудева, Н.И. Жинкин, В.А. Звегинцев), взаимообусловленности категорий модальности, персональности, тепоральности (А.В. Бондарко, В.А. Плунгян, Ю.А. Пупынин), категории времени в турецком языке (С.Н. Иванов, Ю.В. Щека, Ф. Яваш), категориальных ситуаций (А.В. Бондарко), корпусных исследований (В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина).

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на следующих конференциях: XXXIX Международной филологической конференции «Грамматика (русско-славянский цикл)», 15-29 марта 2010 г., Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет; на конференции «Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы», посвященной 80-летию Александра Владимировича Бондарко, 16-18 ноября 2010 г.; а также на XL Международной филологической конференции 14-19 марта 2011 г.

Результаты отражены в 4 публикациях, три из которых входят в перечень ВАК.

Структура работы. Работа состоит из трёх глав, введения, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, формулируется цель, задачи, гипотеза, указываются методы исследования, характеризуется научная новизна работы, ее теоретическая значимость и практическая ценность, представляется

материал исследования, теоретическая база, приводятся положения, выносимые на защиту, представляется структура работы.

I. Первая глава – «Теоретические основы изучения формы простого будущего времени в современном русском языке» посвящена осмыслению состояния разработки проблемы. В ней рассматриваются теоретические основы изучения видо-временной системы русского языка с точки зрения теории межкатегориального взаимодействия, определяется место формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в этой системе.

Часть первой главы посвящена описанию будущего времени в типологическом освещении. Типология языков во многом связана с типологией форм времени и грамматической системой глагола, сложившихся в них. Будущее время представлено в языках мира особенно разнообразно, что связано с его гипотетичностью.

Описание будущего времени в русском языке опирается на основные позиции ленинградской (петербургской) аспектологической школы, практику анализа категорий вида и времени при помощи выявления типовых содержательных структур и на теоретические положения о сопоставительном изучении языков при исследовании грамматической категории времени. Специфика выражения форм времени в русском и турецком языках рассматривается здесь с учетом проблемы стратификации семантики, которая связана с разграничением плана содержания и плана выражения языковых единиц, значения и смысла, с выделением интерпретационной составляющей языковых выражений. Возможность различных интерпретаций одного и того же внеязыкового содержания связана с избыточностью в языке, с многообразием способов выражения одного и того же значения, выбор которых сознательно осуществляется говорящим. В связи с этим подробно рассматриваются теоретические предпосылки и механизмы проявления избыточности при употреблении ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в современном русском языке.

Вопрос о грамматической сущности глагольной формы ПБВ СВ в русской лингвистике получил широкое освещение. Разными исследователями данная форма рассматривалась с разных точек зрения. В данной работе мы придерживаемся точки зрения А.Б. Бондарко, который характеризует форму ПБВ СВ как многозначную, реализующую значения и будущего времени, и настоящего неактуального в особых условиях контекста, отвечающие определённым параметрам модальности и персональности. Так, в высказывании *Он, родившийся в семье, где не признавали даже авторучку, починит любую техническую диковину (Анатолий Азольский)*. Ситуация, повторяющаяся в настоящем времени и потенциально возможная в

будущем, передается при помощи формы ПБВ СВ. Такая возможность существует не во всех языках.

Типология языков во многом связана с типологией форм времени и грамматической системой глагола. Глагольные системы языков мира существенно различаются в зависимости от того, какую роль в них играет грамматическое выражение категории времени. В одних языках (напр., в романской и германской группах языков, а также в турецком) представлена детализированная система выражения временных и таксисных противопоставлений, требующая практически от каждой глагольной формы обязательного указания на абсолютную или относительную временную отнесенность называемой глагольной ситуации. В других языках эта система не выражается столь же последовательно и детально. К примеру, в языках Африки сравнительно слабо представлены абсолютные и относительные признаки грамматической категории времени, например, в багвинском языке категория временной дистанции, определяющая относительную удаленность описываемой ситуации от дейктического центра, грамматическими средствами вообще не выражается (Плунгян 2003: 18; Майсак 2001: 273). В русском языке значение неактуального настоящего и значение будущего времени передается с помощью одной и той же морфологической формы ПБВ СВ, тогда как в турецком языке для каждого временного значения имеется отдельная морфологическая форма.

Средства и способы выражения категории времени в языках мира особенно разнообразны, когда речь идет о выражении плана будущего времени. Во многих языках способы выражения будущего времени могут быть формально «размытыми», как отмечает Т.А. Майсак (2000: 76), «сама квалификация некоторой видо-временной формы в языке как «будущего времени» часто бывает условной, поскольку такая форма может обозначать не просто ситуацию, отнесенную к плану будущего, но и характеризоваться важными дополнительными семантическими компонентами, прежде всего модальными, или же может являться полисемичной и использоваться не только для обозначения будущего времени, но и для выражения других значений (например, в плане настоящего времени – как правило, также с особыми модальными и аспектуальными оттенками)».

Обращение к сопоставительному аспекту видо-временных систем неродственных языков позволяет раскрыть многообразие семантического и функционального потенциала видо-временных форм в их употреблении, выявить так называемые «скрытые» грамматические значения и функции, которые в одном языке получают эксплицитное выражение, а в другом языке могут выражаться имплицитно, при помощи разноуровневых средств. При сравнении грамматических систем

неродственных языков обнаруживаются сходства и различия между ними, а также описываются средства, позволяющие передать семантику форм одного языка средствами другого.

В этом случае, анализируя тексты переводов в сопоставительном аспекте, исследователь сталкивается с явлением вариативности, избыточности, конкуренции видо-временных форм, необходимых (или возможных) для выражения определенных значений средствами двух разных языков. Например: *Я никогда больше не видел человека счастливее, чем она...Про себя тоже не скажу (ср.: не могу сказать), что был не- счастлив (Андрей Геласимов).*

Специфика формы ПБВ СВ раскрывается с учётом проблемы стратификации семантики (в духе исследований А.В. Бондарко), а также с учётом намерений говорящего и того обстоятельства, что он располагает различными средствами для передачи интенции. Вследствие этого мы учитываем и проблему избыточности грамматического строя языка. Избыточность в языке проявляется в наличии нескольких грамматических способов выражения определенного значения, например, временной семантики, для экспликации содержания самостоятельного высказывания. Особенно явно проявляется избыточность в случаях межъязыкового перевода (Е.В. Грудева, Г. Глисон, В.А. Звезгинцев и др.).

В следующих главах последовательно анализируются на конкретном материале перечисленные выше явления, способствующие комплексному исследованию функционально-семантического аспекта ПБВ СВ в современном русском языке в сопоставлении с турецким.

II. Вторая глава – «Межкатегориальные связи формы ПБВ СВ и категориальные ситуации с их участием»

В данной главе рассматривается употребление формы ПБВ СВ в соотношении с параметрами аспектуальности, модальности, персональности и темпоральности, а также выделяются категориальные ситуации ПБВ СВ на основе корпусных исследований НКРЯ.

Аспектуальные категории определяют ситуацию с точки зрения характера её протекания во времени (длительности, ограниченности, наличия результата и т.п.) (А.В. Бондарко, Ю.С. Маслов). В отличие от категории времени, вид никак не связан с внешней по отношению к данной ситуации *«точкой отсчёта»*. Он характеризует лишь особенности внутренней динамики самой ситуации. Вид метафорически определяется как *«внутреннее время»* глагола, в соответствии с формулировкой французского лингвиста Г. Гийома. Однако существенная часть аспектуальных значений связана с понятием *«окна наблюдения»* (термин В. Кляйна), которое определяет

взаимоотношение на временной оси ситуации и наблюдателя. Совмещая окно наблюдения с разными фрагментами ситуации, аспектуальные категории дают возможность представить одну и ту же ситуацию по-разному, выделить те или иные её стадии, важные для говорящего; сама возможность такого выбора образует не всегда заметный модальный потенциал аспектуальных категорий, обладающих скрытой, неявной субъективностью. Таким образом, окно наблюдения в какой-то мере связывает аспектуальность и модальность.

Категория аспектуальности тесно связана и с категориями темпоральности и персональности, что проявляется в обобщенно-личных предложениях с формами 2-го и 3-го лица: *Хотя понятно, что если захочется жить, поймешь* (ср.: *сможешь понять*) *самое непонятное* (Василь Быков); *Как меня только не называли! Мало кто уже все названия вспомнит! Когда только начал Пётр I строить Петербург, напугал солдат медведь, выскочивший из-за моих деревьев, и стали меня звать Мишкиным или Машиным* (Л.Городнёва).

Исследование с опорой на материалы НКРЯ, проведенное в данной главе, убеждает в том, что связь между формой ПБВ СВ и семантикой темпоральности, модальности и персональности проявляется на синтаксическом уровне в неопределенно-личных, обобщенно-личных и определенно-личных конструкциях.

Взаимосвязь различных грамматических категорий с формой ПБВ СВ в данных высказываниях можно объяснить тем, что между категориями вида и лица существуют отношения взаимной избирательности: некоторые разновидности обобщенно-личных и определенно-личных конструкций с дополнительными модальными оттенками связаны лишь с СВ.

При этом формы 2-го л. ед.ч. глаголов ПБВ СВ в наибольшей степени способны выражать модальные значения возможности/невозможности совершения действия. Определенно-личные предложения чаще всего проявляют модальную семантику при употреблении формы ПБВ СВ.

Модальность глагольной формы ПБВ СВ наиболее ярко проявляется в отрицательных предложениях, выражающих невозможность осуществления действия. Например:

Как же, как же... Кто такой? — убей, не вспомню (ср.: *не могу вспомнить*) — *Вы его невестке купили квартиру, он вас очень хвалил...* (А. Волос).

Модальность формы ПБВ СВ 1-го л. ед.ч. не так ярко выражена, как в формах 2-го л. ед.ч. в обобщенно-личных предложениях. Тем не менее, в формах 1-го л. ед. и мн. ч. (только в отрицательных высказываниях), а также в формах 2-го и 3-го л. мн.ч.,

наблюдается наличие скрытого модального оттенка. Формы 1-го л. мн. ч. (в утвердительных предложениях) со значением побуждения к действию или совместного действия в меньшей степени приспособлены для передачи модальной семантики, чем констатирующие высказывания с этой формой: *пойдем в кино, посмотрим фильм* и т.д. Модальный оттенок возможности совершения действия также отсутствует в 1-ом л. ед. ч. в утвердительных предложениях. В таких случаях эти формы относят действие к будущему времени: *пойду в кино, посмотрю фильм*.

Модальное значение возможности/невозможности при употреблении формы ПБВ СВ совмещается с актуальным значением настоящего времени. В таких особых случаях отрицается не само действие, выраженное формой СВ, а то состояние, которое связано с возможностью осуществления данного действия: *Что-то я ничего не пойму (ср. не могу понять); короче, скоро увидимся (А. Волос)*. В подобных высказываниях передается состояние невозможности, характеризующееся неопределенной длительностью и легко совмещающееся с ситуацией актуального настоящего.

Между категориями времени и лица существуют и парадигматические связи. Они проявляются в том, что значение обобщенности лица при употреблении форм 2-го л. ед. ч. взаимодействует со значением общности, типичности действия, т. е. его обобщенности во времени, которая встречается в конструкциях с ПБВ СВ:

Не из ручья же пить грязную воду, ещё подпишишь (ср.: *можешь подписать*) *какую холеру...* (Б. Быков).

Обобщенность лица при употреблении форм 3-го л. мн. ч. в определенно-личных предложениях также связана с обобщенностью времени:

А трупы и без нас опознают (ср.: *могут опознать*). *И выкинь из головы этого Синицына* (А. Азольский).

Особый вид парадигматической взаимосвязи темпоральности и модальности проявляется в синонимии средств их формального выражения. Один и тот же смысл может выражаться разными формальными показателями. Например: *Я уже не засну* (ср. *я уже не могу заснуть*). При этом каждая форма сохраняет собственный оттенок значения. Выявленные особенности взаимодействия показывают, что утвердительные высказывания в форме 1-го л. ед. и мн. ч. в меньшей степени приспособлены для передачи модальной семантики, они обладают значением побуждения к действию или значением совместного действия. В формах 1-го л. ед. и мн. ч. (только в отрицательных высказываниях) и 2-го и 3-го л. мн.ч. проявляется скрытая модальность. Взаимодействие формы ПБВ СВ с категорией персональности при выражении модальных характеристик можно представить в следующей таблице:

Таблица 1. Возможность употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего
(в зависимости от параметров персональности)

	В утвердительных предложениях		В отрицательных предложениях	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
Формы 1-го л.	-	-	+	+
Формы 2-го л.	+	+	+	+
Формы 3-го л.	+	+	+	+

К альтернативным способам выражения значения возможности/невозможности совершения действия относятся: форма ПБВ СВ и использование модального слово *мочь* с неопределенной формой глагола СВ или НСВ в зависимости от контекста. В результате анализа примеров из НКРЯ выяснилось, что при выражении значения *возможности/невозможности* осуществления действия замена формы ПБВ СВ на модальное слово *мочь* с инфинитивом СВ/НСВ осуществляется без нарушения общего смысла высказывания только в 701 случаях из рассмотренных 7309 русских примеров. При этом можно утверждать, что форма ПБВ СВ наращивает в языке частотность употребления: количество этих форм в текстах с 1996 по 2004 гг. почти в два раза выше, чем в период с 1978 по 1995 гг. при сопоставимом объеме двух выборок. Частота употребления формы ПБВ СВ составляет 9,3% для текстов новейшего времени и 5,3% для текстов более раннего периода. Это соотношение можно истолковать как свидетельство большей продуктивности формы ПБВ СВ в последние годы. Сравнение общего количества вхождений искомой формы с объемами пользовательских подкорпусов показывает, что тенденция к экономии речевых средств за счет выбора формы ПБВ СВ, которая, хотя и проявляется незначительно - показатель 0,0125 ipm в текстах 1978-1995 гг. по сравнению с показателем 0,0129 в текстах 1996-2004 гг., отражает особенности современного русского речевого поведения.

Категориальная ситуация трактуется как типовая содержательная структура, которая репрезентирует в высказывании определенную семантическую категорию, соответствующее ФСП и представляет собой один из аспектов выражаемой в высказывании комплексной семантической ситуации и является одной из семантических характеристик высказывания (Бондарко 2011: 33-34).

Основу данных составили результаты поиска в НКРЯ формы ПБВ СВ. Впоследствии из этих высказываний были вручную отобраны примеры со значением неактуального настоящего. Анализ данных показал, что основой для этой семантической функции служит комбинация грамматической формы ПБВ СВ с различными элементами контекста. Наиболее значимыми элементами контекста,

существенно повышающими долю неактуального настоящего в выборке, были признаны следующие элементы: частицы *как, не* и наречие *вдруг*.

Дополнительное использование опорного слова значительно повысило частотность форм ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в выборке. Для экземплярного анализа были отобраны взятые в случайном порядке триста примеров из общей рандомизированной выборки, ограниченные соответствующими задаче исследования критериями поиска (вид, время, часть речи, наклонение). Число примеров ограничивалось тремя сотнями случаев употребления, соответствующих критериям поиска. 300 примеров разделили на три группы по 100 примеров каждая. Из каждой группы отбирались примеры с семантикой неактуального настоящего. Если соотношение примеров с семантикой неактуального настоящего ПБВ СВ на 100 примеров совпадет во всех трёх группах, то это свидетельствует о типичности и средней частотности употребления в данной ситуации. Для получения примеров из разных временных отрезков использовалась случайная («рандомизированная») выборка. Выбранные примеры были классифицированы по семантическим оттенкам употребления ПБВ СВ, что позволило создать типологию КС ПБВ СВ.

Удалось выделить несколько КС на основе каждого из опорных элементов.

Категориальные ситуации ПБВ СВ с опорным компонентом «КАК» подразделяются на три разновидности: *качественное определение субъекта с общей референцией при повторяющихся действиях; типичное (повторяющееся) действие в прошлом и ожидаемое в будущем; внезапное действие в прошлом.*

1. *Качественное определение субъекта с общей референцией при повторяющихся действиях.* В первой разновидности качественное определение субъекта с общей референцией при повторяющихся действиях выводится из личного опыта говорящего и переносится здесь на определенного субъекта или на определенную группу лиц:

Куряла она нещадно, как все дамы, - они уж как начнут, так и меры не знают. А она-то о мере вообще понятия не имела... (А. Кабаков).

Главный семантический признак таких ситуаций – их временная нелокализованность – объясняется обобщенностью субъекта. Обобщенный характер субъекта поддерживается определительными местоимениями, например, *такой, всякий, каждый*, относящимися к субъекту действия: *Каждая становится красивей, как только её полюбят (О. Михайлов).* Обобщающий характер может поддерживаться формами *мн.ч.*, а также употреблением будущего времени глаголов в значении настоящего неактуального, что характерно для конструкций, получивших статус

фразеологизма: *Как увижу, как услышу, все во мне заговорит*. Идиоматичность высказывания, как правило, переводит конкретную ситуацию в ситуацию общую. Обобщенность действия, выраженного формой ПБВ СВ, достигается и в том случае, когда имеется указание на некую общую группу лиц – субъектов сопутствующего действия.

Наличие определения к имени субъекта или обстоятельства образа действия к глаголу-предикату способствует обобщенному пониманию субъекта при временной нелокализации предиката и, как следствие этого, расширенной интерпретации формы будущего времени: *До чего же все женщины похожи. Как услышат слово «деньги», даже не дослушают дальше. Сразу губки бантиком и говорят: всё ясно! Тебе жалко денег! (Наши дети).*

2) *Типичное действие, повторяющееся в прошлом и ожидаемое в будущем.* Во второй разновидности основным значением становится интенсивность проявления действия. Частица *как* при употреблении формы ПБВ СВ в подобных случаях привносит в ситуации значение быстрой смены одного действия (причины) другим (следствием), подчёркивая минимальность временного интервала между ними. Подобные ситуации могут передаваться не только посредством употребления союза *как*, но и его сочетанием с другими словоформами (*каждый раз, как...; каждый раз, когда...; как только..., как..., так... и др.*), а также союзом *когда* в значении '*как*': *Он, когда трезвый-то, мужик как мужик, ну а как выпьет, то берегись – вспыльчив делается, агрессивен, под руку ему такому не попадайся (Криминальная хроника); У меня до сих пор, каждый раз, как вспомню (когда вспоминаю...; как только вспоминаю...), вкус этой жеваной бумаги стоит во рту (А. Дмитриев).*

В подобных высказываниях обуславливающее и обусловленное действия могут сопровождаться усилительной частицей *ни*, в этом случае актуализируется обязательность определенного результата при повторении названного действия: *Я, чтобы рассмешить его, напомнил ему замечание Горького, что русский человек как ни посидит в тюрьме – так бросается писать мемуары... (Николай Климонтович).*

На наш взгляд, ситуации, выражаемые вышеописанным способом, имплицитно в себе, кроме всего прочего, значение уступки. На этом основании их можно причислить к типу итеративных уступительных конструкций.

При употреблении формы ПБВ СВ с союзом *как* в причинно-следственных предложениях союз *только (как только)* является показателем предшествования действия придаточного предложения по отношению к действию, имеющему место в главном предложении.

Ситуация типичного действия, повторяющегося в прошлом и ожидаемого в будущем, реализуется и в значении «ожидаемая обязательная повторяемость действия», что находит выражение в указании на временной период, цикличность которого заложена в самом контексте: *Ранней весной, как только сойдет снег, начинают отрастать молодые побеги михении крапиволистной (Г. Федорова).*

Строгая взаимообусловленность действий может подчеркиваться словами или словосочетаниями *всякий раз, всегда* и т.п. При этом обстоятельства *всегда, всякий раз* указывают на постоянство действия, так как заключают в себе оттенки дискретно-временного и непрерывно-временного значения.

В ситуациях типичного действия, повторяющегося в прошлом и ожидаемого в будущем, возможна конкуренция видов, что свидетельствует о частичной парадигматической избыточности рассматриваемых нами грамматических форм: *Поначалу вы сразу же, как только погрузитесь (ср.: погружается в воду) в воду, вступаете в приятельские отношения с ершами (Д. Шапурин).*

Между этими, казалось бы, равнозначными формами, существует и тонкое семантическое различие: употребление настоящего времени НСВ подчеркивает реальность происходящего, в то время как ПБВ СВ усиливает семантику гипотетичности.

3) *Внезапное действие в прошлом.* В третьей разновидности сочетание частицы *как* и формы ПБВ СВ передаёт значение внезапного наступления интенсивного действия: *Рассказал я все, следовательно, а он на меня как закричит: Фашистку выгораживаешь? (Б.Б. Бахтин).* В форме ПБВ СВ в значении неактуального настоящего в сочетании с частицей *как* чаще всего выступают глаголы одиоактного и начинательного способа действия, которые являются типичными для значения внезапного наступления действия. Эти формы чаще всего актуализируют настоящее историческое время. В редких случаях значение внезапности действия может выражаться другими способами, в частности, при помощи глаголов общезерулятивного способа действия.

При рассмотрении формы ПБВ СВ с частицей *как* для обозначения внезапности действия наше внимание привлекли типичность и частотность конструкций со словосочетанием *да как*, что потребовало проведения нового статистического анализа, который убеждает в том, что данный разговорный компонент все-таки не отличается продуктивностью употребления в современном русском языке и уступил место другому опорному компоненту – *вдруг*.

Категориальные ситуации ПБВ СВ с опорным компонентом «ВДРУГ» распадаются на следующие разновидности: обобщенность действия; внезапность

наступления действия (комбинация *вдруг как*); типичность, повторяемость действия; цепочка последовательных действий; чередование независимых действий: сочетание *то-то*.

1) *Обобщенность действия*. Первая группа со словом «*вдруг*», которую мы выделяем, включает в себя примеры употребления слова «*вдруг*» с формой ПБВ СВ в значении обобщенности того или иного действия, ситуации, случая, состояния или процесса: *Вдруг случайно увидишь, услышишь, словом поймешь, что есть такие люди, которые нам мешают... Приди и скажи (А. Приставкин)*.

2) *Внезапность наступления действия*: комбинация «*вдруг как + ПБВ СВ*». В отличие от рассмотренной выше группы, в данной группе мы не наблюдаем значения потенциальности. Здесь типичным является выражение действия, соотносимого с прошлым или с настоящим неактуальным (настоящим историческим): *Стоит посреди зала, на палочку опирается, лысой головой ворочает и вдруг как выдохнет. Жить хочется! (Д. Рубина)*.

3) *Типичность, повторяемость действия*. В данной группе рассматриваются высказывания о действиях, повторяющихся с той или иной степенью регулярности, являющихся типичными для субъекта и имеющих оттенок внезапности наступления. Характерным для подобных высказываний является значение кратности, т.е. множественности. Обязательным средством выражения данного значения являются кратно-соотносительные конструкции, которыми обозначается последовательная смена отдельных фаз характеризуемого действия: *У ног усядется, вся подберется, паузу выдержит и вдруг головку откинёт: шея худенькая дугой, глаза не видят ничего, подбородок дерг-дерг...и в тот самый миг, когда человечья печаль уже на последнем гребне, свое протяжное «а-уув» в помощь, в сочувствие человеку шлет (М. Вишневецкая)*. Лексическим средством, подчеркивающим типичность действий, выраженных ПБВ СВ с опорным компонентом *вдруг*, часто выступает наречие *иногда*. Подобные высказывания интересно рассматривать с точки зрения позиции наблюдателя, с учетом субъективного начала: *Какая-то таинственная сила иногда вдруг поднимет, взметнёт с места какое-нибудь мелкое зверье и гонит, гонит его на новое место (Ю.О. Домбровский)*.

4) *Цепочка последовательных действий*. Отличается последовательным присоединением одного предикативного члена конструкции к другому. Цепочка однородных сказуемых выражает действие, состоящее из ряда сменяющих друг друга последовательных эпизодов. Весь эпизод повторяется, но каждое отдельное действие в

рамках этого эпизода образно представлено как единичное. Обычно в цепочке глаголов, состоящей из форм ПБВ СВ, последний член представлен формой настоящего времени: *Только понукать его нужно было, да иной раз метёт, метёт, вдруг остановится, глаза выпучит, да так и стоит, с открытым ртом* (Ю.О. Домбровский)

5) *Чередование независимых действий: сочетание «то-то».* При употреблении форм ПБВ СВ чередование отдельных действий, не образующих последовательного ряда, передается повторяющимся союзом *то-то*: *Он неприметно плакал – взъерошенный, неуместно загорелый человек; то поморщится, то потрет глаза, идет в бреду, виляя, видит меня, не узнавая... (А. Терехов).* Добавим, что в конструкции со значением чередования действий, передаваемой союзом *то*, свободно сочетаются глаголы ПБВ СВ и глаголы настоящего времени НСВ.

Таким образом, глагольные формы ПБВ СВ употребляются с опорными компонентами *как, вдруг* при выражении значения внезапности, невозможности, типичности, повторяемости осуществления действия.

«Категориальные ситуации с ПБВ СВ с опорным компонентом – отрицанием «НЕ» обнаруживают значительную роль взаимосвязанных семантических категорий модальности, темпоральности и персональности. Форма ПБВ СВ с отрицательной частицей *не* передает универсальные значения невозможности осуществления действия или типичности действия. Данные высказывания оказались довольно продуктивными. В зависимости от фактора персональности – употребления 1-го, 2-го или 3-го лица, ед. или мн. ч., форма ПБВ СВ с отрицанием «не» проявляет разные семантические оттенки, в связи с чем дальнейшее исследование проводилось с учетом фактора персональности: последовательно были рассмотрены КС с *формой 1-го л. ед. и мн. ч.; КС формой 2-го л. ед. и мн. ч.; КС формой 3-го л. ед. и мн. ч.*

При осуществлении корпусного исследования продуктивности употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего на основе статистического анализа данных НКРЯ за разные периоды времени удалось выявить, во-первых, насколько оправдывает себя утверждение о непродуктивности употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего (В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина и др.); во-вторых, показать уровень частотности такого употребления в разные периоды времени в сравнении с формами НСВ. Результаты статистического анализа, охватывающие частоту употребления формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего (с учетом обращения к 500 примерам по каждому периоду), можно наглядно представить в таблице 2:

**Таблица 2. Количество форм ПБВ СВ со значением неактуального настоящего
(на 500 произвольно взятых форм ПБВ СВ)**

Год	Кол-во форм с семантикой неактуального настоящего
2000 – 2010	137
1990 – 1999	116
1980 – 1989	91
1970 – 1979	85
1960 – 1969	53

Данные таблицы показывают, что частотность употребления формы ПБВ СВ в значении настоящего неактуального продолжает расти и что эти формы продуктивны в современном русском языке.

III. Третья глава – «Сопоставительный аспект аспектуально-темпоральной семантики: система формы простого будущего времени в русском языке в сопоставлении с турецким». В данной главе подчеркивается роль сопоставительного аспекта в темпорально-аспектуальных исследованиях (Плунгян 2012: 18) и анализируются фрагменты переводов турецких текстов О. Памука «Снег» (далее: СН) и «Меня зовут красный» (далее: МЗК) на русский язык с точки зрения межъязыковых и внутриязыковых соответствий.

Разные языки структурируют время по-разному. Сложность проблемы категории времени в грамматике, на наш взгляд, связана с тем, что она отражает уровень когнитивного восприятия времени в сознании человека, причем важная роль здесь отводится фактору определенной культурно-языковой традиции.

Опираясь на исследования Ю.С. Маслова, В.А. Плунгяна, мы полагаем, что языковые явления целесообразно рассматривать в сопоставительном аспекте, так как любое явление «может служить ярким примером параллельного развития в сходном направлении и, следовательно, должно изучаться методами сопоставительной грамматики» (Маслов 2004: 293). К таким явлениям можно отнести и форму ПБВ СВ, проявление значения которой в языке зависит не от «общих закономерностей, повторяющихся во многих языках, а от частных» (там же).

Анализ материала исследования позволил определить те частные значения видов (кластеры), которые *находят соответствие в обоих языках*. К ним относятся: наглядно-примерное значение СВ и неограниченно кратное значение НСВ. В данном разделе были последовательно рассмотрены, во-первых, случаи, в которых возможна замена НСВ на СВ при передаче функций ПБВ СВ; во-вторых, случаи, в которых глаголы НСВ и СВ не допускают замены видов при передаче функций ПБВ СВ. Такими

случаями является употребление НСВ: 1) в настоящем неактуальном времени – *Учитель, я работаю заварщиком чая в чайном доме «Шенлер», прямо по соседству с известной баней «Мотылек» в Токкате. Там я отвечаю за печи, за чайники (СН)*; 2) в настоящем неактуальном при повторяющихся действиях: *Все, кто хочет поговорить по вечерам, садятся в этот угол тахты, куда я усадил тебя, - произнес Шейх. – Все друг другу братья (СН)*; 3) в настоящем историческом. В данных употреблениях настоящее неактуальное выражает повторяющиеся действия, события, признаки, которые необязательно имеют место в момент речи: *...Пока я так размышляю, два воина в доспехах вступают в бой и после многочасовой схватки отступают, обливаясь потом кровью, не сумев одолеть друг друга (СН)*. Данный раздел исследования позволил сделать вывод о том, что в русском и турецком языках при выражении значения настоящего неактуального формой ПБВ СВ (в русском языке) и формой НБВ (в турецком языке) есть совпадения и различия.

Различия проявляются в следующем:

1) Категория вида характерна для языков славянской группы, что делает уникальным в русском языке такое явление, как конкуренция видов при передаче семантики ПБВ СВ. Отсутствие категории вида в турецком языке компенсируется за счёт разных временных форм, выраженных аффиксами; в нашем случае аффиксом *-Or*, передающим значение настоящего-будущего времени. Иными словами, в русском языке эти формы передаются категорией вида, в турецком – категорией времени.

2) В русском языке формы СВ в потенциальном значении считаются формой ПБВ СВ. Значение потенциальности как постоянный признак также наблюдается в турецком языке. Однако в русском языке форма ПБВ СВ в потенциальном значении обнаруживает дополнительные оттенки уверенности, обязательности, неизбежности осуществления действия. Данные модальные оттенки в турецком языке среди значений НБВ не наблюдаются, они передаются в турецком языке будущим временем, которое выражается с помощью специального аффикса *- a(sak)*.

3) В русском и турецком языках для выражения одного и того же конкретного видо-временного значения употребляются различные временные формы. Например, в русском языке для обозначения регулярного постоянного действия употребляется настоящее время (*рыба живет в воде*), а в турецком для этого служит специальная форма настоящего-будущего времени (*balık suda yazar*).

4) Кроме своего основного значения потенциальности, НБВ в турецком языке имеет также значение постоянности и регулярности, которое при этом лишено значения акциональности. В связи с этим в русском языке действия, выражающие

постоянность и регулярность, передаются настоящим временем с помощью НСВ (*Земля вращается вокруг Солнца*), а в турецком языке подобные действия выражаются той же формой НБВ.

5) В русском языке форма ПБВ СВ может выражать значение будущего или настоящего неактуального. Форма НБВ в турецком языке охватывает широкий спектр времени: в зависимости от употребления действие может относиться к настоящему, будущему или прошедшему временам. Это объясняется тем, что в турецком языке время находит более конкретные способы выражения, поскольку для каждого отдельного временного отрезка существуют временные аффиксы, которые точно можно отнести к временной оси. Однако в русском языке, отличающемся более высокой степенью абстрагирования по сравнению с турецким, все определяется контекстом, благодаря которому мы воспринимаем отнесенность действия в форме ПБВ СВ либо к будущему времени, либо к расширенному настоящему. В турецком языке последнее значение осмысливается как отдельный временной отрезок, имеющий специальное, закреплённое за ним грамматическое выражение; в русском языке это значение считается вторичной функцией будущего времени.

Совпадения обнаруживаются в следующем:

1) В русском языке потенциальное значение выражают формы СВ, в турецком же языке значение потенциальности присуще только категории времени: настоящему-будущему.

2) Более маркированная и специфическая по значению форма будущего времени СВ в переводах на русский язык встречается реже и связана с семантикой потенциальности. Таким образом, связь семантики будущего времени и потенциальности является общим свойством русской и турецкой временной систем.

В главе рассматриваются также альтернативные случаи употребления видовременных форм в русском языке, выявляется склонность русских глаголов к конкуренции видов, сходства и различия двух языковых систем, особенности употребления глагольных форм для передачи одних и тех же значений.

Возможность выразить тот или иной оттенок общего смысла высказывания формой ПБВ СВ приводит к конкуренции видов, которая может сближать СВ и НСВ по смыслу. Рассмотрение глаголов в форме ПБВ СВ показало, что при выражении настоящего неактуального они чаще всего выступают в потенциальном значении. В некоторых примерах, где возможно употребление (или замена) глаголов на НСВ, они выступают в потенциально-качественном и реляционном значениях, тесно соприкасающихся друг с другом: *В таких случаях возникает внутренняя уверенность,*

вы делаете (ср.: сделаете) все, что вам придет в голову, и ваши действия оказываются (ср.: окажутся) правильными (МЗК).

При выражении настоящего неактуального ПБВ СВ используется исключительно в тех случаях, когда речь идет о повторяемости или обычности действия: *Если вы любите город, если вы много гуляли по нему, то даже годы спустя ноги сами выведут (ср.: выведут) вас по хорошо знакомым улицам на любимый холм (МЗК).*

Основной фактор, которым определяется выбор аспектуально-темпоральных форм при переводе с турецкого на русский язык, связан с тем, что в турецком языке нет противопоставления двух грамматических значений и форм НСВ и СВ, как в русском языке, переводчик (или носитель языка) при выборе языковых средств исходят из того, какое значение передает соответствующая форма в турецком языке:

– в том случае, если форма настоящего-будущего времени в турецком языке обозначает действие, не привязанное к конкретному промежутку времени и демонстрирующее какое-либо постоянное свойство субъекта данного действия (обыкновение, привычку, способность к периодическому возобновлению действия), подобное значение обычно передается в русском языке с помощью НСВ: *Сюда раз в месяц приходит врач; Людей, в особенности богатых, я хорошо знаю;*

– наиболее полное соответствие в русском и турецком языках наблюдается при передаче оттенка возможности совершения действия в будущем: *Как я пошлю в вечернее время к лавочнику маленького ребёнка?; Да, может быть, я и выйду еще немного спустя на улицу и т.п.;*

– будущее действие, выражаемое турецким НБВ, предстает как лишенное оттенка категоричности и неперенности, которое, тем не менее, предполагает возможность осуществления. Такое значение типично и для формы ПБВ СВ в русском языке: *Ты поймешь, ты, безусловно, поймешь. Я непременно объясню; Вы уж приходите, я Вам приготовлю ужин и т.п.* То, что выражается одной аффиксальной формой в турецком языке, в русском языке может быть передано только средствами контекста, например: *безусловно, непременно* и т.п.

В Заключении обобщаются результаты исследования, подтверждающие выдвинутую гипотезу, отражающие выполнение поставленных целей и задач. Проведенное исследование убеждает в том, что формы ПБВ СВ в значении неактуального настоящего наращивают свою продуктивность в современном русском языке.

Выявление функционально-семантического аспекта ПБВ СВ в значении неактуального настоящего требует обращения к категориальным ситуациям, учитывающим межкатегориальные связи – параметры таксиса, персональности, аспектuality, модальности.

В результате анализа материала исследования были выделены три продуктивные КС с их разновидностями, формирующиеся при помощи частично воспроизводимых структур, содержащих опорные компоненты *как, вдруг и не*. В последней ситуации особенно значимыми факторами оказались параметры персональности и модальности.

Исследование, проведенное с опорой на материалы НКРЯ, убеждает в том, что между формами ПБВ СВ и семантикой темпоральности, модальности и персональности имеется тесная связь, которая проявляется на синтаксическом уровне в обобщенно-личных, в неопределенно-личных, и определенно-личных конструкциях. ПБВ СВ при выражении модальных значений возможности/невозможности совершения действия можно наблюдать:

- в формах 2-го и 3-го л. ед. и мн. ч. и в отрицательных и в утвердительных предложениях;
- в форме 1-го л. ед. ч. и мн. ч. *только* в отрицательных предложениях;
- в формах 1-го л. мн. ч. (только в отрицательных предложениях), 2-го и 3-го л. мн. ч. проявляется скрытая модальность;
- в форме 1-го л. мн. ч. в утвердительных предложениях ПБВ СВ не употребляется.

Обращение к материалам НКРЯ с 1978 по 2004 годы позволило сделать выводы об увеличении частотности употребления форм ПБВ СВ в современном русском языке в конструкциях, содержащих модальные оттенки.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ дал возможность выявить типические проявления выражения значений ПБВ СВ, соответствия и несоответствия между формами НБВ на – (-) *г* в турецком языке и формами настоящего времени НСВ и будущего времени СВ в русском языке, а также позволил учесть границы варьирования явления избыточности, конкуренции видов при выражении конкретных значений в русском языке.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Далкылыч Л.Ч. Явление избыточности при выражении формы настоящего будущего времени совершенного вида в современном русском языке (на материале

переводов с турецкого языка). ACTA Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. т. VI, ч. 2. – СПб.: Наука, 2010. С. 430-450.

2. Далкылыч Л.Ч. Выражение значения возможности/невозможности действия различными глагольными формами в современном русском языке. Вестник СПбГУ. Серия 9, Сентябрь. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. 2011. С. 101-103.

3. Далкылыч Л.Ч. Модальная и временная семантика в высказываниях с формами простого будущего времени в современном русском языке. Вестник СПбГУ. Серия 9, Июнь. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 2. 2012. С. 126-131.

Статьи в прочих изданиях:

1. Далкылыч Л.Ч. Конкуренция видо-временных форм глагола в русском языке при передаче семантики настоящего-будущего времени совершенного вида (на материале параллельных турецких и русских текстов). Грамматика (русско-славянский цикл). Материалы секции XXXIX Международной филологической конференции. 15-29 марта 2010. Опубликовано: – СПб, 2011. – С. 63-7.

Типография СПбГУ
199004, г. Санкт-Петербург, Большой проспект В.О., д.21
Подписано в печать 25.12.2012
Тираж 100 экз.

102